ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО: ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Черныш Михаил Федорович,

доктор социологических наук,

первый заместитель директора

Федерального научно-исследовательского центра РАН,

Москва, Россия.

E-mail: mfche@yandex.ru

Аннотация. Исследования социальной структуры имеют свойство проблематизировать социальное даже в большей степени, чем другие отрасли современной общественной науки. Это объясняется тем, что исследования социальной структуры сфокусированы на различиях, которые имеют в основании ключевые противоречия жизни общества – неравенство, господство одной социальной группы над другими, барьеры для социальной мобильности. Социолог, изучающий проблемы социальной структуры, неизбежно решает моральную дилемму – раскрыть потаенные противоречия или умолчать о них во избежание гнева со стороны власть предержащих. Российское социологическое сообщество продемонстрировало, что даже в сложные времена, в тот момент, когда самостоятельность социологии была под сомнением, оказалось возможно, обходя идеологические барьеры, выводить в поле общественной дискуссии важные общественные проблемы. Даже в тех исследованиях, которые сейчас принято рассматривать как «апологетические» по отношению к существующему социально-политическому строю, ключевые противоречия общества становились предметом научной дискуссии. Социологи находили возможность предупреждать общество о накапливающихся в обществе напряжениях, инициировали обсуждение о том, как избежать наиболее тяжелых последствий грядущего кризиса.

Ключевые слова: социальная структура, социальная мобильность, социальное неравенство, социологические исследования.

PROBLEMATIZATION OF THE SOCIAL: SOCIAL STRUCTURE RESEARCH AND RUSSIAN SOCIOLOGY

Mikhail F. Chernysh,

*Doctor of sociology, First deputy director
of the Federal Center of theoretical and applied
sociology of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russia.*

E-mail: mfche@yandex.ru

Abstract. The studies of social structure have a greater capability to problematize the social than even other branches of modern sociology. Their relevance for the social is explained by the fact that they are focused on differences that are born out of the key contradictions of society – inequality, dominance of some social groups over others, barriers erected in the way of social mobility. A sociologist who studies problems of social structure, inevitably deals with a moral dilemma – to reveal the hidden contradictions or to hush them up in order to cause anger from the powers that be. The Russian sociology community has shown that even in the difficult times with that autonomy of social science was in doubt, it was possible to bypass ideological barriers and direct public discussion towards important social issues. Even in the studies that are now branded as “apologetic” in respect to the existing social and political order, key contradictions of society became subjects of scientific debates. Sociologists found ways to warn society of the growing social tensions and raise the relevance of judgments on how to avoid the coming crisis.

Keywords: social structure, social mobility, social inequality, sociological studies.

В 1931 году немецкий математик Карл Гедель опубликовал знаменитое доказательство теоремы о неполноте любой формальной математической схемы, демонстрирующее неспособность логических обоснований представить во всей полноте сложность отношений между математическими величинами. В какой-то степени его вывод относится к науке в целом: наука – это всегда соотношение познанного и непознанного, того, что может стать открытым, непотаенным, и того, что находится за пределами области логически и эмпирически познаваемого. Исследователи, занимающиеся обществом и его структурными особенностями, отдают себе отчет в том, что любые схемы, которые они выстраивают неполны, что за рамками любой из общественных отношений находится обширная темная зона, войти в которую не удастся по многим причинам. Во-первых, не получается объять необъятное: любая теоретическая схема по определению уже, чем объект исследования, взятый в целом. Во-вторых, – и это должно быть признано, – в общественной науке особое значение придается необходимости представить изучаемый предмет в доступной форме. Если математик ориентирован, прежде всего, на сообщество себе подобных, то социолог метит в общество или какую-то значимую его часть. В-третьих, – и это тоже истина, хотя и неохотно признаваемая социологами: на характеристики модели, которая используется, влияют политические воззрения как самого социолога, так и адресата его послания – гражданского общества, политики, разнородных элит. Речь идет не об ангажированности как таковой, а о выборе языка, на котором пишется послание. Если послание не будет прочитано, то его автор вряд ли сможет счесть свою задачу исполненной. Ведь в общественной науке, в отличие опять же от наук естественных, неизменно присутствует намерение обрести практический смысл, не только доказать правоту исследователя, но и открыть для него возможность хотя бы частичного предвидения.

Все эти рассуждения в полной мере относятся к исследованиям социальной структуры. В современной социологии с готовностью подвергаются критике социоструктурные схемы прошлого, вычленяется в них то, что можно охарактеризовать

как объективное начало, как то, что раскрывало болевые точки общественной жизни, и то, что кажется нам с позиций сегодняшнего дня противоречащим объективной истине. Социологи исходят из понимания того, что исследователь свободен выбирать ракурс зрения, и этот его свободный его выбор, если он сегодня представляется нам ложным, бросает тень на его научную состоятельность. Но, возможно, стоит отойти от подобного подхода, который по определению статичен, и предложить рассматривать исследования и, прежде всего исследования социальной структуры, как движение, как способность исследователей преодолевать установленную идеологической конвенцией границу и говорить, вопреки существующим ограничениям, больше, чем позволено в каждый отдельный период развития общественной науки.

Подобная постановка проблемы ставит, на мой взгляд, более серьезный вопрос о том, что есть истинное или ложное знание в социологии. Не все с этим согласятся, но в силу уже упоминавшейся особенности любых исследований, опирающихся на неполные, неточные схемы, характеризующие социальный мир, утверждать полную, стопроцентную истинность или ложность какого-либо посыла, звучащего в исследованиях, невозможно. В условиях неполноты знания, какими бы замечательными ни были проводимые исследования, огромное значение приобретает фактор, который можно было охарактеризовать как моральность научного сообщества, истинные мотивации социологов, проводящих исследование. Если единственной такой мотивацией становится желание понравиться властям, то соответствующим будет и полученный результат. Если же все-таки ставится цель улучшения социальной ситуации, преодоления социальных проблем, то исследования, независимо от заданной извне теоретической схемы, будут стремиться к тому, чтобы находить болевые точки общественной жизни и предлагать их решения. Надо сказать, что изучение той траектории, которую прошли исследования социальной структуры, свидетельствуют о том, что в большинстве своем, независимо от их политических мировоззренческих воззрений, социологи ориентировали проводимые ими исследования на поиск

путей позитивного развития так, как они его понимали на тот момент. Социологи сохраняли верность тому изначальному посылу социологии, который предполагал не только осознание всей сложности социальной жизни, но и необходимость ее совершенствования, движения к обществу благополучных, гуманных, активных граждан. Социологи, и прежде всего те из них, кто занимался социальной структурой, с момента возрождения социологии в Советском Союзе, проблематизировали социальное, в обход идеологической конвенции, высвечивали в советском обществе острые проблемы, которые нуждались в пристальном внимании людей, принимающих решения, грозя в противном случае в отдаленной перспективе разрушить основы социального порядка.

Советские исследования социальной структуры безусловно должны были следовать схемам, которые рождались в лоне научного коммунизма, представляя советское общество как динамику схождения трех ключевых социальных групп – рабочего класса, трудового крестьянства и рабочей интеллигенции. У социологов не было права что-либо менять в этой общей картине. В дальнейшем, по прошествии времени социологи безжалостно критиковали так называемую трехчленную схему, вполне справедливо характеризуя ее как неадекватное описание настоящих социальных различий, характерных для советского общества. Эту схему они рассматривали, прежде всего, как научный продукт, а ее авторов как ученых, нарушивших правила научного этикета, требующего максимального сближения используемой схемы с той реальностью, которая она была призвана воспроизводить. Действительно, в трехчленной формуле отсутствовали важнейшие измерения социальной структуры, ключевые социальные различия, которые определяли существо социальных отношений в советское время, а именно: противоречивые, непростые отношения между населением и государственной бюрократией, нарастающие различия, причем качественные, между номенклатурой и населением в сфере потребления. Не без иронии Питирим Сорокин и другие исследователи советского общества отмечали, что революционные времена нескоро, но определенно отошли в прошлое,

а на круги своя возвращается иерархия, включающая в себя, как и следует, высшие слои, занимающие в обществе особое, привилегированное положение [Сорокин 1992]. В социологическую терминологию с подачи Восленского вошел и термин номенклатура, маркирующий класс, обладавший в советской системе немалыми привилегиями [Восленский 2015].

Все это безусловно справедливо, если не учитывать одного важного обстоятельства, которое в значительной степени определяло состояние общественной науки в СССР. Традиционно для советской системы теория социальной структуры рассматривалась не только как абстрактная схема, но и как стратегия прямого действия, как план развития, в котором должны быть воплощены не только факты сегодняшнего дня, но и то, каким советское общество должно было стать в недалеком будущем. Необходимо признать, что в прошлом, да и сейчас тоже, хотя и в меньшей степени, социология остается в российском обществе наукой, имеющей ярко выраженную телеологическую направленность. Трехклассовая схема имела конкретные политические последствия, а именно последовательную политику стирания социальных различий, становления социальной однородности. Пожалуй, ключевой работой той эпохи «Становление социальной однородности» Михаила Николаевич Руткевича [Руткевич 1992]. В ней формулировались ключевые направления развития российского общества, достижения им желательного состояния, в котором станет возможной социальная гармония. Теория социальной однородности имела конкретные последствия для общества: сдерживание заработных плат квалифицированных работников и, напротив, увеличение, в рамках допустимого, разумеется, доходов низкоквалифицированных групп рабочего класса. Речь идет, помимо всего прочего, о функциональной необходимости заполнять низкоквалифицированные рабочие места, каковых в советской экономике было много и при этом сохранять идеологический аспект социальной политики, направленной на достижение фактического равенства.

Симптоматично, что, фокусируя внимание на тенденциях сближения больших социальных групп по ключевым

индикаторам качества жизни, социологи той поры иногда преднамеренно, а иногда и нет, обращали внимание на социальные различия, формы неравенства, которые в некоторых случаях, по мере развития не столько убывали, сколько напротив становились все более рельефными. В работах Ф.Р. Филиппова [Социальная структура... 1976], В.С. Семенова [Семенов 1977] объектом исследования становились, прежде всего, внеклассовые и внутриклассовые различия. В работах профессора Филиппова ключевой темой становились существенные различия, которые на тот момент формировали социальную структуру рабочего класса. Результаты исследований красноречиво показывали, что различия внутри рабочего класса по уровню квалификации слишком велики, что около 40% всей этой якобы передовой группы составляют низкоквалифицированные работники. Из этого вытекал скорее вопрос, чем суждение: можно ли представлять в качестве авангарда общества социальную группу, значительную часть которой составляли люди, в сознании и повседневных практиках которых по объективным причинам присутствовала и темная сторона – агрессия, пьянство, предрассудки, склонность к домашнему насилию. По планам развития должно было бы идти по пути сокращения данной группы и, соответственно, увеличения социального слоя квалифицированных работников, но сложившаяся на тот момент система социальных и политических отношений по сути запрещала подобный вариант, оставляя его в ряду декларируемых, но не реализуемых целей. Необходимо отдать должное и многим другим исследователям социальной структуры таким как О.И. Шкаратан [Шкаратан 1985], Н.А. Аитов [Аитов 1982, 1981], С.А. Кугель [Кугель 1968] и многим другим, увидевшим в российском обществе и его социальных различиях не только повод для очередной похвалы в адрес правящей партии, но и повод для беспокойства, для вопросов о том, насколько реализуема конечная цель развития, которой являлось на тот момент социальное равенство, какие факторы способны затормозить развитие, отодвинуть общество от тех благих целей, которые публично декларировались. Зачастую для того, чтобы понять амбивалентность суждений социологов

на данную тему, нужна была соответствующая квалификация и желание продолжить линию аргументации самостоятельно, без поддержки со стороны автора.

В особое направление социологии того периода вылилось обсуждение проблем интеллигенции. Именно на этом направлении выработалось то, что можно было назвать эзоповым языком социологического дискурса, говорение о ключевых вопросах таким образом, чтобы это не вызывало ответной, запретительной реакции со стороны партийных органов. О. И. Шкаратан, к примеру, настаивал на том, чтобы в рабочий класс входили некоторые из слоев интеллигенции [Шкаратан 1985]. Речь, по сути, шла об эмансипации интеллигенции как важнейшей социальной группы, игравшей в советской жизни ключевую роль, но в лояльности которой власть, вполне, надо сказать, обоснованно, сомневалась. В отношении так называемой интеллигенции действовала процентная норма, ограничивающая социальную мобильность в органы управления. Включение в рабочий класс (напомним, что социологические схемы имели в те времена перформативный характер) предполагало открытие для интеллигенции каналов мобильности, ее приравнивание по статусу к числу важнейших агентов, имеющих право влиять на политические процессы в обществе. Речь шла по сути об изменении социального порядка посредством повышения приоритетности экспертного знания. Ю. В. Арутюнян вел исследования в сельских районах и приходил к выводу о глубоких социокультурных различиях, которые не так-то просто преодолеть сближением по социальным показателям [Арутюнян 1971]. Культура, как оказалось, имела значение. Нет оснований говорить о том, что она признавалась в качестве самостоятельного критерия измерения социальной структуры, но ее роль как самостоятельного фактора действительно получила раскрытие.

В исследованиях Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, посвященных автоматизации, делались выводы о сходстве процессов, которые происходили в разных странах, таких как США и СССР, в важнейших аспектах жизни – содержательное наполнение индустриального труда [Гордон 1983]. Если в социальных

и политических сферах различия были более чем очевидны, то в сфере труда многое было схожим и зависело от общих условий, в которых протекал производственный процесс.

В 1970 г. вышла в свет монография «Социальные перемещения» [Филиппов, Руткевич 1970]. В ней впервые актуализируется сюжет, которого до того момента советская социология избегала. В очередной раз, прибегая к эзоповому языку, актуализировалась проблема социальной мобильности, раскрывались ее каналы и факторы, которые могли оказывать на нее существенное влияние. Значительное внимание уделялось межпоколенной мобильности, которая свидетельствовала в пользу социалистического проекта, территориальной мобильности, но меньше – проблемам мобильности в институтах власти и влияния. И здесь социологи эзоповым языком говорили о существовании значительных социальных различий, жизненных возможностях, которые важны для воспроизводства и развития социальной структуры. У социологов не было возможности публично обсуждать проблемы бедности, но сама концепция перемещений предполагала динамику структурных различий, в которой могли возникать зоны неблагополучия.

В конце 1980-х гг, осмелев и отбросив эзопов язык, социологи принялись активно обсуждать изъяны социального порядка и, прежде всего, существовавшие формы неравенства. Можно вспомнить в этой связи работы Л. А. Гордона, который был лишь одним из целой плеяды блестящих исследователей советской социальной структуры [Гордон 1994]. Исследования социологов структурировали новый общественный дискурс на тему развития общества, в обиходе социологов появлялись новые схемы телеологического характера. Стало возможным говорить о политическом измерении социальной структуры, матрице политических отношений, которая формировала одно из важных измерений социальных различий – обсуждать бытование социальных групп, находившихся до того времени в тени и, прежде всего, государственной и партийной бюрократии, правоохранительных органов, группы тех, кто находился на самой низкой ступеньки социальной лестницы. Именно тогда Гордон ввел в оборот представления о знатности как особого,

статусного измерения социальной структуры. Пересматривались сами основы подходов к изучению неравенства в обществе.

Политэкономический характер дискуссии наиболее ярко проявил себя в работах Т. И. Заславской, которая ввела в качестве структурирующего общества фактора степень поддержки разными социальными группами текущих перестроечных преобразований [Заславская 2002]. Рабочие или бюрократы отныне делились не только по критериям объективной принадлежности к той или иной социальной нише, но и по уровню политической включенности, приверженности консервативным или прогрессивным, реформаторским взглядам. Надо сказать, что в постсоветский период взгляды Татьяны Ивановны эволюционировали в критическом направлении. Она посчитала, что тот задел искренности и желания изменений в обществе был, по сути, растрочен реформаторами впустую.

Способность социологии структурировать общественную дискуссию о проблемах общества, выделяя в ней приоритетные направления, нашла применение на первом этапе постсоветских реформ. Социологи настойчиво вносили в пространство общественной дискуссии вопрос уже не просто о привилегиях номенклатуры, а о вопиющем неравенстве, которое стало следствием неудачно осуществленных социально-экономических преобразований. До марксистской критики капитализма было еще далеко, но, заняв критическую позицию, социологи не могли не понимать, что рано или поздно именно им, а не кому-то другому, придется предложить обществу новый гегемонический, социальный телеологический проект. Основные подходы в рамках нового гегемонического проекта были сформулированы в ходе дискуссии, посвященной среднему классу. В лидерах этой дискуссии находились М. К. Горшков и Н. Е. Тихонова, представлявшие Институт социологии РАН, хотя идея среднего класса тестировалась, прививалась к общему древу социальных исследований не только в этом институте, но и в других исследовательских центрах тоже [Средний класс в современной России... 2016]. Таким образом, для общества выставлялись конкретные цели – сокращение масштабов

неравенства, бедности, создание массового среднего класса, трансформация политической жизни в сторону более высокой конструктивной активности значительных масс населения. Одновременно исследовались возможные препятствия на пути роста среднего класса, среди которых на первом месте оказывались структурные ограничения возникшей благодаря реформам сырьевой экономики, ориентированной, как и в большинстве других стран с подобным экономическим профилем, на обогащение небольшой прослойки в ущерб населению в целом. Выдвинув новый гегемонический проект, актуализировав в связи с этим тему огромных разрывов в обществе, социологи двинулись к тем рискам, которые могло повлечь за собой торможение в продвижении к поставленной цели – технологическому отставанию, кризисному состоянию в системе образования и здравоохранения, неадекватности реализуемой социальной политики, кризису семейных ценностей. Социология, как и прежде, возвратилась к той роли, которая в ряду других общественных наук ей изначально была отведена – социальной диагностике в диалоге с обществом, государством и научным сообществом в целом.

Серьезный вопрос, на который должны были дать ответ социологи: в чем причина неудачи российских реформ? Какие факторы – структурные или культурные – повлияли на неудачное течение реформ, привели общество в тупики неравенства и несправедливости. Все большее влияние в новых исследованиях уделялось фактору культурной дифференциации общества, культурным различиям, которые безусловно влияли на то, как разные группы населения воспринимали реформы и реагировали на них. Подобные исследования были бы невозможны, если у российской общественной науки не было бы развитой традиции изучения культуры, если бы культурные вопросы иногда напрямую, а иногда неявным образом, как это было в работах Л. А. Гордона, не поднимались и не обсуждались прежде. Острой необходимостью, как и прежде, являются серьезные исследования, в которых содержался бы не только ответ, пусть даже сложный и многофакторный, на поставленный вопрос, а возможные решения тех проблем, с которыми

сталкивается общество. Речь не идет о том, чтобы создавать как прежде планы прямого действия, но перформативная роль социологии, ее критика современного социального порядка играла и будет играть важнейшую роль, раскрывая обществу то подлинное состояние, в котором оно находится. Разумеется, критическая позиция, которую занимает социология, рождает недовольство тех, кто объектом этой критики является: как утверждал Яннис Варуфакис, профессор экономики и бывший министр экономики Греции, над социологией нависает тень недовольства тех, кому не нравится ее критическое направление, но что делать, ей от себя и от задачи просвещения общества не уйти.

Список литературы

- Аитов Н. А. 1982. Проблемы социально-классовой структуры советского общества. Саратов: Саратовский университет.
- Аитов Н. А. 1981. Советский рабочий. М.: Политиздат.
- Арутюнян Ю. В. 1971. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль.
- Восленский М. 2015. Номенклатура. М.: Захаров.
- Гордон Л. А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 18–35.
- Гордон Л. А. 1983. Социальный прогресс советского общества и перспективы развития рабочего класса. М. ИМРД АН СССР.
- Заславская Т. А. 2002. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М. Дело.
- Кугель С. А. 1971. Молодые инженеры. Социальные проблемы инженерной деятельности. М.: Мысль.
- Кугель С. А. 1968. Новое в изучении социальной структуры. Л.: Общество «Знание».
- Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. 1970. Социальные перемещения. М.: Мысль.
- Руткевич М. Н. 1982. Становление социальной однородности. М.: Политиздат.

Семенов В. С. 1977. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М.: Мысль.

Сорокин П. А. 1992. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат.

Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М.: Наука, 1976.

Средний класс в современной России: опыт многолетних исследований / Под ред. М. К. Горшков и др. М.: Весь мир, 2016.

Шкаратан О. И. (отв. ред.). 1985. Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда. М.: Мысль.